

КОНСТИТУЦИОННЫЕ

В. КУДРЯВЦЕВ

НА НЫНЕШНЕМ этапе национально-освободительной борьбы в Африке принципы строительства новой государственности независимых стран приобретают первостепенное значение. Вокруг этих принципов идет жесткая борьба между правящими кругами колониальных держав, вынужденных оставлять свои позиции в Африке, и национально-освободительными движениями, заинтересованными в том, чтобы конституции молодых независимых стран помогали, а не мешали им строить новую жизнь без колонизаторов, в интересах самих народов.

ЛОВУШКА ФЕДЕРАЛИЗМА

В большинстве случаев колониальные державы уходят из своих колоний в Африке формально «добровольно», хотя на самом деле для такого ухода понадобились многолетняя борьба колониальных народов против угнетателей, изменение соотношения сил между социализмом и империализмом в ущерб последнему. Империалисты даже пытаются делать хорошую мину при плохой игре. Например, лорд Хьюм в бытность его министром иностранных дел Англии, выступая в общей дискуссии на 18-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, утверждал, будто Англия давно ставила себе целью предоставление независимости своим колониям.

Выдав таким образом вынужденные шаги за добродетель, Хьюм отстаивал за Англией право определять сроки предоставления такой независимости. Это право понадобилось ей для того, чтобы законодательным путем закрепить за собой в бывших колониальных владениях важные экономические позиции и внутренне ослабить новые государства, используя идеологическое наследство в виде тщательно подготавливавшихся заранее местных руководящих кадров. Речь идет о вошедшей в обиход английских неокolonизаторов практике составления конституций новых государств до предоставления им независимости. В таких условиях английское правительство имеет возможность навязать ожидающей независимости колонии выгодную ему конституцию, которую потом будет трудно изменить, поскольку в колониях всегда находятся политические группы, поддерживающие проколониаторскую политику. Борьба за пересмотр конституций, полагают английские колонизаторы, сама по себе способна ослабить молодую независимую страну, лишит ее политической монолитности.

Французские колонизаторы пользуются иными приемами. Им в большей степени, чем англичанам, удалось насадить свои, профранцузские кадры ти-

па бывшего президента Конго (со столицей в Браззавиле) аббата Фюльбера Юлу в правительствах новых независимых государств. Поэтому они рассчитывают на то, что местные руководящие кадры, воспитанные в Париже, дальше копирования западной буржуазной демократии не пойдут.

Но вернемся к английскому опыту — он более злободневен. Им отравлены конституции уже получивших независимость бывших английских колоний, его пытаются применить и к тем странам, которые еще только ожидают освобождения от колониального режима.

Лондонские неокolonизаторы при составлении конституций молодых независимых государств учитывают наличие там различных этнических групп, феодальной разобщенности, слабо развитой экономики и многие другие условия. Англичане стремятся выработать конституции, которые помешали бы африканским народам создавать единые государства с сильным центральным правительством, способным мобилизовать для строительства новой жизни все людские и материальные ресурсы страны, дать отпор любым поползновениям неокolonизализма. Отсюда и появляется на свет излюбленный английскими колонизаторами принцип федералистского устройства новых государств. Он никак не соответствует их внутренним условиям, поскольку многие населяющие их племена еще не сложились в нации, да и государство не имеет единой централизованной экономики со связывающими ее единым рынком и коммуникациями. Все это еще предстоит сделать в будущем, и потому федерализм способен лишь затормозить построение единого государства с прочным экономическим фундаментом.

В большинстве африканских государств федерализм содействует разжиганию трайболизма, сепаратистских тенденций, сохраняет влияние феодальной знати, ослабляет сопротивляемость нового государства бывшей империалистической метрополии, а также удорожает содержание государственного аппарата и без того слабых в финансовом отношении молодых стран.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ

Одной из первых стран, ставших жертвой федералистских тенденций английских колонизаторов, явилась Нигерия. Самое крупное по населению (около 40 миллионов человек) государство Африки, обладающее большими природными богатствами, Нигерия сильно ослаблена тем, что ее феодальный Север конституционно отгорожен от Юга и Востока автономией, консервирующей средневековые пережитки, которые быстрее ликвидировались бы в условиях единого централизованного государства, где передовые районы страны непосредственно оказывали бы прогрессивное влияние на районы отсталые. К тому же федеральное устройство ложится тяжелым бременем на бюджет страны: гигантский административный аппарат съедает огромные средства, нужные для развития экономики и культуры.

УХИЩРЕНИЯ КОЛОНИЗАТОРОВ

Американский журнал «Форин афферс» подсчитал, что в стране (без новой Северо-Западной провинции Нигерии, которая находится в процессе формирования) имеется восемь законодательных палат, три губернатора, один федеральный премьер-министр и три областных премьера, свыше 100 министров, примерно столько же их заместителей и огромное число депутатов, получающих значительное в условиях Нигерии содержание. В результате граждане Нигерии, где численность населения меньше, чем в Англии, вынуждены платить за содержание своей администрации в четыре раза больше, чем граждане Великобритании. Бывшим колониальным державам такое положение выгодно: официальную «помощь» они рассматривают как своеобразную взятку чиновничьему аппарату, а капиталовложения в страну идут по линии частных банков и предприятий, что содействует сохранению влияния в стране крупных монополий бывших колониальных хозяев.

Сейчас конституция Нигерии пересмотрена в связи с тем, что с 1 октября 1963 года страна объявлена республикой. Но пересмотр коснулся главным образом положений, связанных с избранием президента. Во время дебатов в нигерийском парламенте вокруг конституционных изменений премьер-министр Абубакар Балева заявил, что «в нынешних отношениях Нигерии с Англией нет никаких очевидных невыгод», чем и предопределил весь ход обсуждения. Одним из главных вопросов, беспокоивших премьера, было принятие закона о превентивном тюремном заключении, который отклонила всепартийная конференция по пересмотру конституции. Принцип же федерализма остался неизменным и по-прежнему будет действовать в интересах английских неокolonизаторов, не желающих иметь дело с единым централизованным нигерийским государством. Оставив после своего ухода проанглийские элементы, особенно среди привилегированных феодальных слоев Севера, английские правящие круги всегда смогут применить старый излюбленный девиз «разделяй и властвуй» в новых неокolonиалистских условиях.

Весьма показательным примером является конституция Уганды, разработанная еще до предоставления независимости этой стране. Она тоже не избежала принципа федерализма, но, в отличие от Нигерии, в еще более уродливой форме. По конституции Уганда состоит из королевств Буганда, Анколе, Буньоро, Торо, территории Бусога, а также 11 административных районов: Ачоли, Бугису, Букеди, Карамоджа, Кигези, Ланго, Мади, Себеи, Тесо, района Западного Нила, территории Мбале. Кроме центрального правительства и парламента, каждое из пяти королевств имеет свой совет министров и законодательную ассамблею. Самое крупное королевство, Буганда, обладает по сравнению с другими королевствами большей автономией.

Но английским колонизаторам такая федералистская раздробленность Уганды показалась недостаточной, и они оставили молодому государству в «наследство» спор между королевствами Буганда и Буньоро вокруг принадлежности так называемых

утраченных графств — княжеств Буйага и Бугангадзи. Решение этого спора по договоренности с группой «кабака екка», на которую опирается кабака (король) Буганды, отложено на два года, но все равно он висит как дамоклов меч над государственностью молодой независимой страны.

Недавно Уганда провозглашена республикой, однако по конституции президентом этой республики имеет право быть только... наследственный монарх, иначе в республику не могли бы войти королевства, составляющие неотъемлемые части федерации. В результате получился юридический парадокс, с точки зрения даже западной буржуазной демократии. Первым президентом Республики Уганда стал кабака Буганды Уильям Фредерик Давид Валугембре Лувангула-Мутеса, или, как его официально называют, Мутеса II, а вице-президентом — пьязинга (традиционный правитель) территории Бусога — Вильберфорос Надиопа. При таком положении очень трудно будет лидеру партии Народный конгресс Уганды Милтону Оботе провести, например, аграрную реформу, которая неизбежно затронула бы привилегии феодальной и племенной знати.

Эту конституцию английские колонизаторы навязали Уганде с дальним прицелом: дать возможность остаться и даже закрепиться у власти тем социальным элементам, на которые во времена колониального режима опирались британские империалисты.

ЗЛОВЕЩАЯ ИСТОРИЯ «БЕЛОГО НАГОРЬЯ»

Такую же федералистскую затею английские неокolonизаторы решили повторить в несколько ином варианте и с Кенией. Пользуясь тем, что руководство кенийским национально-освободительным движением в 1962 году переживало своеобразный кризис политической ориентации, английские власти навязали Кении конституцию, построенную на широкой автономии ее семи провинций. Дело в том, что в 1962 году основная движущая сила освободительной борьбы — партия Африканский национальный союз Кении (КАНУ) под руководством признанного вождя кенийского народа Джомо Кениата еще не выявила своего политического веса в государстве, тем более что от нее откололась некоторая часть под руководством Поля Нгея, создавшего самостоятельную Африканскую народную партию, поддерживавшую регионализм (сейчас группа Нгея вернулась в КАНУ). Это, несомненно, на время укрепило Африканский демократический союз Кении (КАДУ) во главе с Рональдом Нгалой — главную опору федерализации будущей независимой Кении.

Вольно или невольно подыгрывая английским неокolonизаторам, партия Нгалы пытается создать впечатление, будто регионализм нужен Кении для защиты интересов 48 этнических групп. Для укрепления своей позиции лидеры КАДУ утверждают, что КАНУ якобы представляет лишь интересы племен кикую и луо (хотя эти племена и составляют почти половину населения страны), в то время как КАДУ представляет племена масаи, календжин и другие. Основываясь на этом вольном толковании характера партии КАНУ, которая на самом

деле выражает интересы всего кенийского народа, лидеры КАДУ дошли до того, что пригрозили в случае пересмотра конституции в пользу централизации государства создать «самостоятельную республику» из районов, населенных племенами, на представительство которых претендует КАДУ. В эту «республику» должны были бы войти Западная, Прибрежная и Северо-Восточная провинции, а также провинция Рифт-Валли самая плодородная в Кении. Что это означало бы для судеб Кении, не трудно вообразить себе. К тому же раскол Кении на два государства был бы в крайнем случае выходом, хотя и отчаянным, для английских колонизаторов, опасавшихся последствий создания сильного единого кенийского государства.

Федерализм как принцип организации независимой Кении нужен английским неоконизаторам не только для разжигания межплеменной розни, но и для сохранения там экономических позиций английских колонистов. Дело в том, что самые плодородные земли, расположенные на так называемом Белом нагорье, принадлежат белым поселенцам. Они были «дарованы» им английским губернатором. Захват этих земель — позорное пятно даже в истории английских колонизаторов в Африке, которая сама по себе не так уж чиста и блестяща.

В конце 80-х годов прошлого столетия, примерно за шесть лет до вторжения английских колонизаторов, этот район Кении подвергся сразу нескольким стихийным бедствиям: эпидемии оспы, чуме, которая косила рогатый скот, небывалой засухе и налету саранчи. Племена бежали в другие районы. Африканцы намеревались через некоторое время вернуться в родные места. Но у племен не было представления о частной собственности на землю, и этим воспользовались английские власти. Они объявили эти земли «пустующими» и под маркой «коронных земель» даровали английским колонистам. В результате каждая семья белого поселенца в среднем владеет 240 гектарами хорошей земли, а семья африканца — тремя гектарами земли, да и то плохой. Подавляющая часть африканцев занята в сельском хозяйстве (миллион фермеров), но получает от него только 22 процента доходов. Остальной доход распределяется между 3600 белыми фермерами. Не удивительно, что на душу белого населения приходится 413 фунтов национального дохода в год, а на душу африканского населения — только 12 фунтов (а по некоторым источникам, еще того меньше — около пяти фунтов).

По конституции 1962 года земли, дарованные губернатором, закрепляются за их владельцами белыми и находятся в ведении провинциальных властей. Составляя конституцию, английские колонизаторы рассчитывали, что ее регионализм ослабит сопротивляемость Кении неоконизаторским методам Англии. Так, в провинции Рифт-Валли эти поселенцы, как наиболее экономически влиятельные избиратели, смогут обеспечить себе большинство в местном законодательном собрании и «узаконить» свое «право» на владение землями.

После этого становится понятным то достойное поддержки упорство, которое проявила кенийская правительственная делегация во главе с Джомо Кениатой на недавней лондонской конференции по пересмотру конституции. Кениата, исходя из интересов будущего развития независимой Кении, настаивал на такой конституции, которая укрепила бы центральную власть, единство государства, ликвидировала бы регионализм, неизбежно ведущий к

сепаратизму провинций со всеми вытекающими отсюда вредными последствиями для национальной независимости страны. Поддержанная народом, а также соседними странами — Угандой и Танганьикой, правительственная делегация добилась большого успеха в пересмотре конституции 1962 года в нужном для кенийского народа направлении.

Борьба за пересмотр конституции — это борьба за будущую государственность страны, за ее грядущее развитие и укрепление независимости. Лидеры КАНУ совершенно правильно рассматривают национальную независимость не как самоцель, а лишь как средство для построения новой демократической социалистической Кении — так было сказано в предвыборном манифесте КАНУ. В свете этого ясно, сколь важен успех правительства КАНУ на конференции в Лондоне.

НАСЛЕДНИКИ СЕСИЛЯ РОДСА

Еще одним примером коварной политики английских колонизаторов может послужить ныне умирающая расистская Федерация Родезии и Ньясаленда, которая была хитроумно задумана как выгодное английским монополиям соединение богатой ископаемыми Северной Родезии с источниками электроэнергии и системой коммуникаций Южной Родезии и с Ньясалендом — резервуаром даровой рабочей силы. Сейчас, когда федерация доживает последние дни и вырисовывается независимость Северной Родезии и Ньясаленда, где у власти уже находятся африканские правительства, английские колонизаторы тоже при помощи конституционных ухищрений хотят сохранить за собой, хотя бы косвенно, Южную Родезию. Там в силу конституции, навязанной в свое время Лондоном, господствует белое меньшинство. В настоящее время во главе Южной Родезии стоит расистское правительство Уинстона Филда. Чтобы спасти для себя Южную Родезию, английские правящие круги стремятся передать вооруженные силы Федерации Родезии и Ньясаленда нынешнему правительству Южной Родезии и объявить независимость этой страны при правлении Филда. Таким образом, «независимая» Южная Родезия существовала бы как расистское государство, где власть фактически принадлежала бы белым реакционерам — наследникам Сесилия Родса.

Националистические организации коренных африканцев Южной Родезии протестуют против объявления независимости страны при нынешней конституции. Они требуют пересмотра конституции, с тем чтобы избирательная система была построена по принципу «один человек — один голос», что дало бы африканскому населению большинство в законодательном органе, а следовательно, обеспечило бы и создание правительства из африканцев. Этот вопрос был поставлен африканскими государствами перед Организацией Объединенных Наций на 18-й сессии ее Генеральной Ассамблеи. В резолюции, принятой большинством голосов, Генеральная Ассамблея «призывает правительство Соединенного Королевства не передавать своей колонии Южной Родезии при существующем там ныне правительстве никакой власти и никаких атрибутов суверенитета, отложив это до создания правительства, которое бы представляло всех жителей колонии».

Как видно из данного примера, английские колонизаторы манипулируют конституциями в зависи-

мости от своих интересов. Как тут не вспомнить претензии лорда Хьюма на сохранение за Англией права определять сроки предоставления независимости! В случае с Кенией английские власти с удовольствием затянули бы предоставление независимости, в случае же с расистской Южной Родезией они, наоборот, хотели бы поторопиться, чтобы опередить национально-освободительное движение и поставить на его пути заслон в виде расистской «независимой» Южной Родезии.

Если учесть все, о чем здесь говорилось, то легко понять, как важен для всей Африки конституционный опыт революционного Алжира. Французские колонизаторы мечтали произвести над Алжиром конституционную операцию английского толка. Это, по их мнению, сохранило бы Франции какую-то часть Алжира и в то же время надолго задержало бы рождение подлинно независимого алжирского государства. Обсуждая будущее Алжира, известный французский экономист и социолог М. Алле в своей книге «Эвианский Алжир», вышедшей в свет в 1962 году, утверждал, что федерация — наиболее приемлемая для Алжира форма государственного устройства. «В ее рамках, — писал он, — два сообщества — мусульмане и французы — будут пользоваться статутом, который обеспечит им основные права и оградит от всякого произвола».

По существу такой статут закрепил бы то, что уже существовало в колониальном Алжире. За французскими колонистами остались бы лучшие земли, торговля и промышленность. Их влияние не упало бы, а, наоборот, было бы подкреплено конституционными гарантиями псевдонезависимого алжирского государства. Если же федеративное устройство себя не оправдает, рассуждал Алле, то следует пойти на раздел Алжира на два самостоятельных государства. Эту цинично высказанную мечту французских неокolonизаторов автор книги осмеливается называть «единственным решением, соответствующим основным принципам демократии» (!?).

БРЕШЬ ПРОБИТА

Но ни тому, ни другому не суждено было сбыться. Алжирский народ воевал семь лет не за прозрачную, а подлинную национальную независимость. Алжирская конституция, принятая уже после провозглашения независимости, обеспечивает интересы народа, а не создает неокolonизаторские лазейки для бывших колониальных господ. В преамбуле конституции Алжирской республики, в частности, сказано: «Будучи верной программе, принятой Национальным советом алжирской революции в Триполи, Народная Демократическая Алжирская Республика направляет свою деятельность по пути строительства страны в соответствии с принципами социализма, по пути эффективного осуществления власти народом, авангард которого составляют феллахи, трудящиеся массы и революционная интеллигенция».

Алжирская конституция обеспечивает построение единого централизованного государства, способного дать должный отпор всяким неокolonизаторским наскокам французского империализма, ликвидировать его агентуру внутри страны. События показывают, что французские колонизаторы, подобно своим английским коллегам, делали ставку на сепаратизм в Алжире, где также существует племенная и феодальная раздробленность. Так назы-

ваемая кабийская оппозиция и ее партия с фальшивым названием «Фронт социалистических сил» пыталась ослабить единство алжирского государства знакомыми методами сепаратизма, пользуясь тем, что Кабилия населена берберами, которые по языку, обычаям и традициям отличаются от арабов, составляющих большинство населения страны.

В Кабилии наиболее влиятельны феодальные элементы, связанные с французскими правящими кругами. Феодалы пытались найти поддержку среди известной части руководителей партизанских виллайетов, недовольных тем, что при переходе на мирное положение из их рук ушла как военная, так и гражданская власть. Как это часто бывает при смене этапов, через которые проходит революция, они не выдержали крутого поворота и вылетели из тележки управления страной. Ход событий обогнал их, и они столкнулись с феодальной реакцией.

Отступление кабийской оппозиции и меры по ликвидации сепаратизма в Алжире неизмеримо укрепляют единство страны и поднимают авторитет центрального правительства, без чего невозможно успешно строить жизнь на социалистических началах, тем более что внешние враги тоже не собираются оставлять в покое революционный Алжир. Ведь он не только вышибает почву из-под ног французских колонизаторов на северо-западе Африки, но и подает пример всем остальным африканским странам, в которых все еще живы сепаратистские настроения, разжигаемые уходящими колонизаторами.

Пример Алжира, несомненно, оказал влияние на лондонские переговоры по пересмотру конституции Кении, поощрив кенийскую делегацию на упорное отстаивание принципов единого, централизованного государства и заставив английскую сторону отступить от сепаратистских позиций. Алжирский опыт неизбежно окажет свое влияние и на борьбу южно-родезийцев за принятие конституции, обеспечивающей африканскому населению законное право на власть в своей собственной стране.

Стремясь дискредитировать руководителей революционного Алжира перед лицом других африканских стран, колонизаторы пытаются обвинить алжирских лидеров в диктаторстве. На эти выпады дал правильный ответ в газете «Альже репюбликен» Ларби Бухали. «При существующем положении вещей, — пишет он, — дать нашей стране конституцию «парламентского типа» значило бы парализовать страну, способствовать воцарению в ней анархии. В этом нет ничего революционного и еще меньше — социалистического». В то же время, подчеркивает он, если брать алжирскую конституцию в целом, «то нужно сказать без преувеличения, что данная конституция — наиболее прогрессивная из всех конституций арабских и африканских стран».

Алжирский народ пробил брешь в конституционных ухищрениях колонизаторов. Отныне им будет труднее прибегать к конституционному неокolonизализму, а африканским народам — легче бороться за конституции, обеспечивающие создание подлинно независимых государств на основе народной власти, в интересах народа. Конституции новых африканских независимых государств должны быть не инструментом, маскирующим фактическое влияние прежних колониальных хозяев, а инструментом, при помощи которого африканские народы смогут после завоевания национальной независимости перестроить свою жизнь на совершенно новых началах — на началах процветания и прогресса.